

Сам себе режиссер

Известия - 1999 -
29 окт. - с. 8

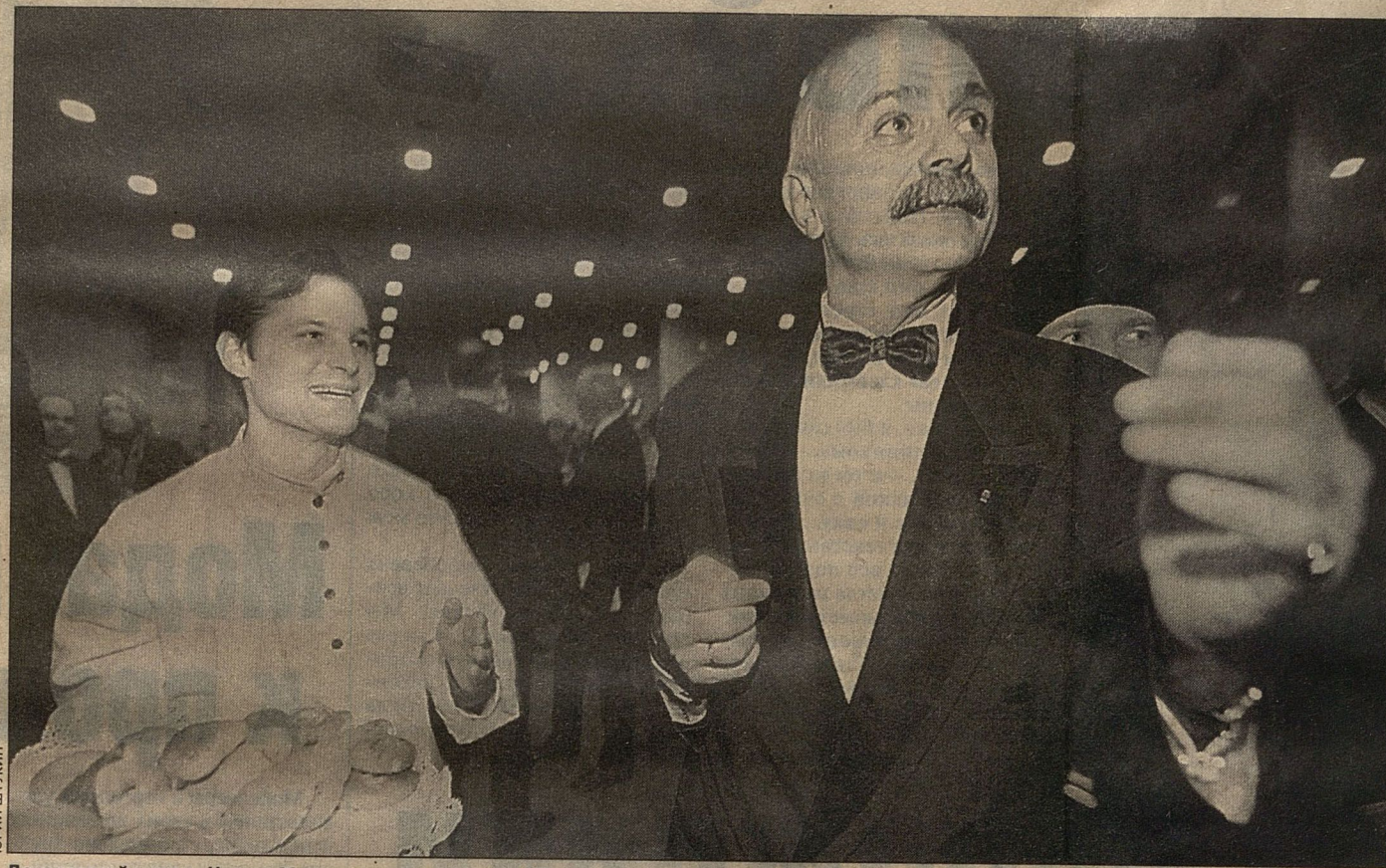
Телевизионный образ Никиты Михалкова

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Можно быть политиком по статусу, а можно быть политиком по мироощущению. Таков случай Никиты Михалкова. Конечно, он являл себя миру и в собственно политическом качестве — во время прошлой парламентской кампании, войдя в список НДР, снялся в партийном ролике и созерцал планету Земля с высоты космического полета, как бы впадая в состояние невесомости при виде славных саратовских девушек. Но ни в какую Думу он при этом не пошел. Да и сейчас, оговаривая в «Итогах» условия, при которых согласился бы помочь «Единству», сразу уточнил: депутатский мандат меня не интересует. А что же интересует? Следует фигура умолчания.

Между тем вспоминается характерный репортаж: Никите Сергеевичу вручают премию «Вехи» (была такая, потом благополучно скисла). Иван Петрович Рыбкин радостно вскакивает со своего места и пытается обойти президиум сзади, чтобы приложиться к ручке новоявленного лауреата. Тот с высоты гренадерского роста царственным жестом останавливает Рыбкина, указывая другую траекторию — перед президиумом. И маленький спикер, густо покраснев, послушно выполняет указание режиссера-постановщика.

Именно так, именно таким образом выстраивал Михалков свои публичные отношения с публичными людьми. Как Березовский покупает не бизнес, а медведя, так Михалков подкупал своим умом и обаянием политиков, действуя через них и обращаясь с подопечными, как кукловод обращается с послушными куклами. Или как всемогущий государь — со своей верной челядью. Иной раз кажется, что монархизм

Депутатский мандат Никиту Михалкова не интересует. Для него есть магнит поприятнее

Михалкова коренится не столько в его религиозно-политических взглядах, сколько в сугубо режиссерских инстинктах. В «царском» эпизоде «Сибирского цирюльника» Александр III осматривает площадь именно как режиссер, крайне довольный осуществлением сложнейшего постановочного замысла: массовка не подкачала, технические службы не подвели, воробышек на месте — жизнь удалась.

Первый и самый значительный опыт михалковской постановки на политическом театре —

роль Александра Руцкого в пьесе «Демократический реакционер». Благодаря Никите Михалкову Руцкой читает монархическую публицистику Ивана Ильина, которая на человека, не владеющего материалом, может произвести наркотически сильное впечатление. Теперь Александр Владимирович знает, с кого делать жизнь и куда должна направить свой бег освобожденная Россия. На людях режиссер и вице-президент появляется только вместе, в фильме Леонида Парфенова из серии «Портрет на фоне» снимаются

по-соседски, на балконе. Некоторое физиогномическое сходство (пшеничные усы, мягкие кошачьи движения при бульдожьей хватке, влажный блеск больших выразительных глаз) лишь подчеркивает глубинную разницу между барственным вальяжностью родовитого режиссера и барскими замашками безродного начальника. Но вот Руцкой заигрывается в игру, затеянную его наставником; Михалков не отрекается от зарвавшегося ученика, не «сдает» воспитанника, однако и свою моральную ответственность

за политический сдвиг по фазе признавать не спешит. Не из страха (в трусости его никак не заподозришь), а просто потому, что режиссер не должен, не может отвечать за неудачно сложившуюся судьбу героя. Даже Пушкин и тот изумлялся: что учудила Татьяна — взяла да и выскочила замуж.

Правда, Пушкин сочинительствовал на бумаге, не писал по живому. Да кто же с этим будет считаться? Потом с гораздо меньшим успехом (по причинам, от него не зависящим) Михалков окучивал Виктора Степановича

Черномырдина. Однако в атмосфере нефти и газа трудно воспринять ильинские идеи — и теперь сделана ставка на другого, куда более прилежного и несопоставимо более вменяемого (если сравнивать с Руцким) ученика — Владимира Рыжкова-младшего.

Зачем Михалкову Дума, если есть в ней разумный «агент влияния», аккуратно и безпомех ретранслирующий его взгляды? Другое дело — президентский уровень, возможность организовать поистине грандиозное зрелище общенародного единства. Но и тут — что бы ни говорили многие и как бы ни уверял нас в обратном сам Михалков — я уверен: ждет он не «божьего гласа», а внезапного появления подходящего актера.

Конечно, он и сам прекрасно справился бы с президентской ролью, с ролью публичного политика. Но это ему давно не интересно. Этот масштабный человек, которого Бог задумал как крупного режиссера и замечательного лицедея; человек, которого природа наградила отличными физическими данными, а родители — сравнительно неплохим образованием (ясно ведь, что не только Ильина он читал), этот человек давно и безнадежно устал от бесконечного мелькания перед публикой. Конечно, он по-прежнему замечательно держится перед камерой, но все интонации, все обходительные приемы, все словесные формулы давным-давно обкатаны, превратились в омертвевший прием. Куда заманчивее работать со свежим политическим материалом, с прирученными куклами. Они дергаются и кривляются на политической сцене, им то аплодируют до самозабвения, то заушуют, а кукловод сидит себе тихонечко в углу и напекает: «Если кукла выйдет плохо, назову ее дуреха. Если клоун выйдет плохо, назову его дурак».